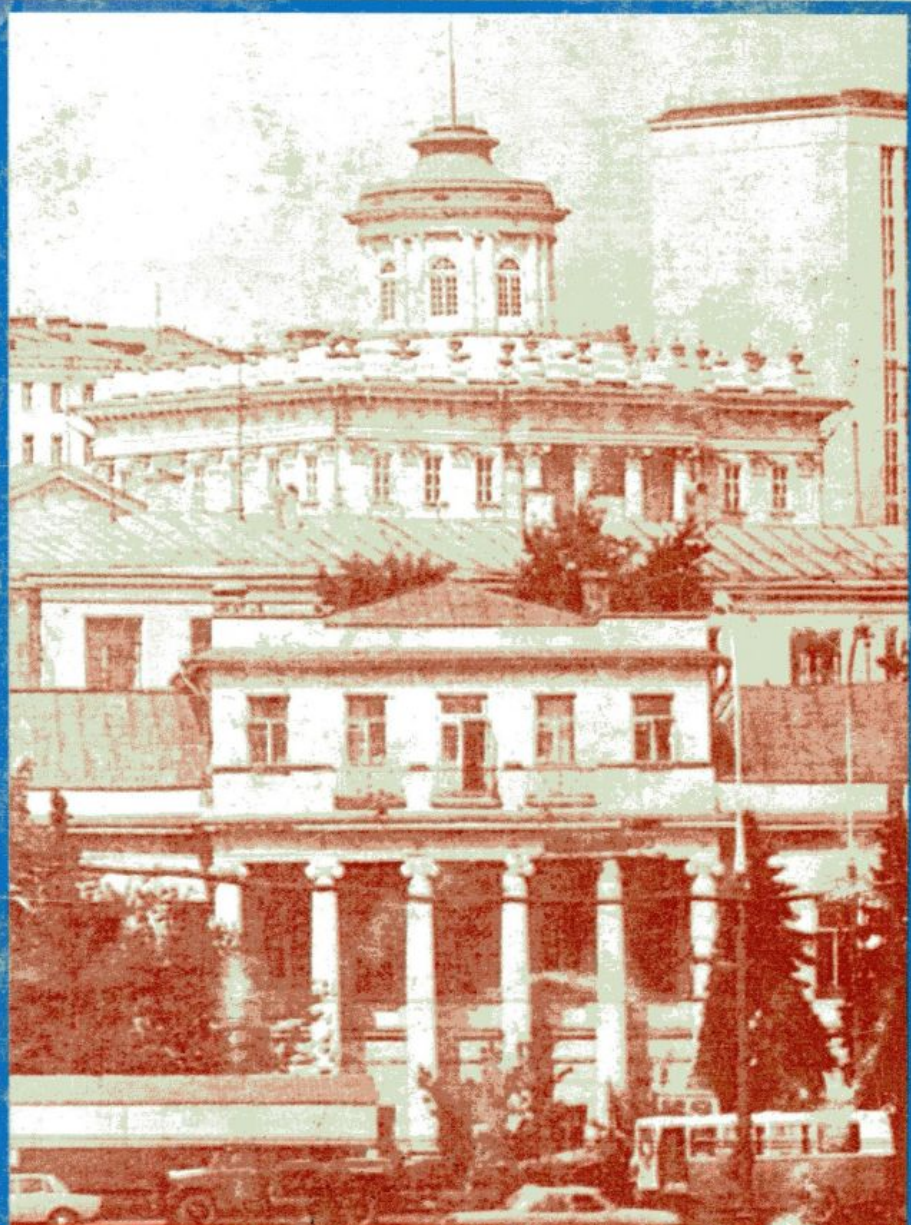

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

БИБЛИОГРАФИЯ

«Библиографии» — 70 лет**О**собенности
национального
библиографического
репертуара**А**вторитетная база
данных Российской
книжной палаты
(продолжение)**Г**осударственная
библиография России
(продолжение)**«О**пыты» гасконского
дворянина**П**роводники в книжной
торговле**М**аршруты песни и
фантастики**П**олвека с книгой**Н**елегальный каталог**П**ушкиниана
«Библиографических
записок»**Н**еисчерпаемый
Высоцкий**Р**одом из Ундола**М**иссия жизни (П. Фекула
и его коллекция)

ТРЕХСОТЫЙ НОМЕР

1/99

ИЗДАЕТСЯ С МАРТА 1929 Г.

А. С. ПУШКИНУ — 200 ЛЕТ

Л. М. Равич

“Пора перестать делать из всего непроницаемую тайну”

Пушкиниана “Библиографических записок”

Поражение России в Крымской кампании и смерть Николая I в марте 1855 г. (роковой месяц для русских тиранов!) открыли эпоху реформ. Общественное оживление в первую очередь коснулось периодической печати. Начиная с 1856 г. возникают один за другим периодические издания — как в обеих столицах, так и в провинции. В 1858 г. свой орган получают и российские книжники — библиографы, библиофилы, издатели, просто активные книгочеи. Поток материалов, который буквально хлынул в редакцию “Библиографических записок”, свидетельствовал о том, что издание такого рода являлось насущной необходимостью. Его давно ждали отечественные деятели книги.

Журнал издавался всего три года (1858, 1859 и 1861), но поражает богатством содержания. И сегодня научный потенциал этого издания не исчерпан полностью, так он велик и разнообразен. На страницах “Библиографических записок” мы найдем материалы о Чаадаеве и декабристах, о вольнодумцах XVIII столетия (Новикове, Радищеве, Щербатове), Лермонтове и Грибоедове, Гоголе и Жуков-

ском... Но более всего богат журнал пушкинскими материалами.

Название журнала позаимствовано у М. Н. Лонгинова¹. Так назывался раздел Некрасовского “Современника”, специально для него организованный в 1856—1857 гг.

В объявлении об издании журнала было сказано, что он призван служить посред-

ником между учеными и наиболее выдающимися библиотеками (частными, разумеется). “Пора перестать делать из всего непроницаемую тайну, — заявляла редакция, — пора позаботиться об усвоении науке тех данных, которые еще пощажены всесокрушающим временем” (Моск. ведомости. 1857. № 156. С. 700).

Организатором журнала стал человек замечательный во всех отношениях: историк литературы, фольклорист, библиофил и библиограф Александр Николаевич Афанасьев², известный

¹ О нем см.: Равич Л. М. Михаил Лонгинов, библиофил и ученый // Книга: Исслед. и материалы. М., 1996. Сб. 72. С. 160—198.

² В качестве библиографа А. Н. Афанасьев выступал на страницах Некрасовского “Современника” в конце 40-х — начале 50-х гг. с обзорами исторической литературы. Опытнейший редактор, Н. А. Некрасов высоко ценил сотрудничество тогда еще совсем молодого человека (Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. Т. 10).

своим благородством и бескорыстием. Товарищем и помощником его стал служивший вместе с ним в Московском архиве Министерства иностранных дел Михаил Петрович Полуденский, тоже видный библиофил и замечательный библиограф³. По всей вероятности, он и внес требуемую для начала сумму: А. Н. Афанасьев был беден. Он писал Григорию Николаевичу Геннади: "Полезь "Библиографических записок" слишком очевидна, а о барышах никто из нас не думает. ... Свой труд приносим мы бескорыстно русской науке в чаянии, что будет же время, когда сумеют оценить это по достоинству"⁴.

По данным В. И. Порудоминского⁵, опубликовавшего письма А. Н. Афанасьева к Г. Н. Геннади, непостижимым образом отколовшиеся от основного фонда (РНБ) и попавшие в РГАЛИ, в журнале помещена 51 работа, посвященная Пушкину. По моим подсчетам, сделанным при сплошном просмотре "Библиографических записок", таких материалов несколько меньше — 39 (это при том, что учтено даже объявление о продаже пятикопеечной "Сказки о рыбаке и рыбке"), но и это очень много. Среди них — заметки биографического характера, публикации текстов, библиографические указатели (первые в России) — как литературы о поэте, так и переводов его сочинений на иностранные языки, положившие начало всем русским "Пушкинианам" (о них — разговор особый).

"Целый период изучения Пушкина, обнимающий 50—70-е годы, — пишет Я. Л. Левкович, — может быть назван библиографическим"⁶. Вполне

соглашаясь с нею, хочу добавить, что в этом деле "Библиографические записки" сыграли едва ли не первую роль. Ведь вокруг них группировались все виднейшие библиографы — пушкинисты того времени: Е. И. Якушкин, М. Н. Лонгинов, Г. Н. Геннади, П. А. Ефремов, В. П. Гаевский. Недаром этот журнал и поныне высоко ценится пушкинистами (но не историками библиографии, зачислявшими его "по ведомству" формализма и объективизма!).

Есть еще одно обстоятельство, о котором советские пушкинисты или умалчивали, или говорили невнятно. Как раз в это время (вторая половина 50-х — начало 60-х гг.) со страниц "передовой" журналистики стала изрыгаться хула в адрес великого поэта. Так, Н. Г. Чернышевский утверждал, что произведения Пушкина («кроме, может быть, "Медного всадника"») имели мало живой связи с современностью (со свойственным ему антиисторизмом он, очевидно, желал, чтобы Пушкин писал на злобу дня, как Некрасов). Но это были еще цветочки. Н. А. Добролюбов такие шедевры любовной лирики, как "Я вас любил: любовь еще, быть может...", пренебрежительно называл "альбомными побрякушками", а в рецензии на книгу П. Н. Милюкова "Очерк истории русской поэзии" вещал: "Смерть избавила его (Пушкина! — Л. Р.) от печальной необходимости видеть себя живым мертвецом посреди общества, которое прежде рукоплескало каждому его слову". Ну как тут не вспомнить болгаринское chute complete (полное падение), которое тот усмотрел в зрелом Пушкине! "Мы считаем несправедливым мнение тех, — сообщает Н. А. Добролюбов, — которые предполагают, что Пушкин мог еще впоследствии явиться нам в новом, еще невиданном свете, с плодами нового, самобытного развития"⁷. В самом деле, о каком разви-

³ О нем см.: Равич Л. М. Михаил Петрович Полуденский: (Рассказ о забытом библиографе) // Ист.-библиогр. исслед.: Сб. науч. тр. Л., 1990. № 1. С. 113—132.

⁴ Прометей: Ист.-биограф. альм. 1974. Т. 10. С. 217.

⁵ Там же. С. 214.

⁶ Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. С. 633.

тии можно говорить, когда Пушкин, по мнению этого революционного демократа, был "натурой неглубокой" и отличался "недостатком прочного образования" (и это — в статье, озаглавленной "О степени участия народности в развитии русской литературы")!

С гневной отповедью этим кощунственным писаниям выступил Н. П. Огарев в предисловии к сборнику "Русская потаенная литература" (Лондон, 1861), в котором был представлен и вольнолюбивый Пушкин: "Мы не берем на себя наглости, так теперь в нашей литературе вошло в привычку, хватать по заветным личностям с плеча грязною ладонью. Эта бесцеремонность показывает в драчу не гораздо больше желанья заявить существование своей маленькой ничтожности, сказать — что вот я, де, великий человек, и я что-нибудь да значу, потому что ругаюсь (*je réte donc je suis*), — чем действительного, добросовестного чувства истины. Может быть, это ползание червей по дорожному покойнику и естественно, но все же производит невольное и точно так же для чистого человека естественное отвращение"⁷. "Для русских Пушкин имеет мировое значение, — пишет он, утверждая тезис о народности великого поэта ... — До сих пор пушкинская форма и пушкинский язык, настроение, мысли и чувства — у нас живы и не заменились новыми формами, и Пушкин остается родоначальником и высшим представителем русской литературы XIX столетия, сколько бы критика "в детской резвости не колебала его треножник" (Там же. С. 458).

Ныне, в преддверии двухсотлетнего юбилея поэта, мы можем с полным сочувствием повторить эти слова, а ругань критиков "Современника" ка-

жется нам дикой и невероятной. Легко представить, каково было слушать ее пушкинистам-библиографам, сотрудникам "Библиографических записок". Они не просто присоединились к позиции А. И. Герцена и Н. П. Огарева в вопросе о значении Пушкина, — они много сделали для того, чтобы показать подлинное лицо Пушкина-гражданина. Правда, статьи Д. И. Писарева в "Русском слове" 1865 г., не признававшего в Пушкине поэта, были еще впереди, но и того, что раздавалось со страниц "Современника", было достаточно, чтобы вызвать возмущение и гнев наших героев. Поэтому-то их статьи в защиту поэта отличались ярко выраженной личностной окраской и публицистическим накалом.

Но, конечно, в первую очередь решались задачи научные. Современному читателю трудно представить, насколько остро стояла тогда проблема пушкинских текстов. Не говоря уже о первом посмертном издании собрания сочинений поэта, в котором его друзья (В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев) позволили себе "исправлять" и приглаживать стихи гения, гораздо более совершенное в текстологическом отношении издание П. В. Анненкова зияло лакунами, далеко не всегда вызванными цензурными соображениями. Ну, а уж потаенного Пушкина в списках было столько, что из этого можно было составить целый том. Сохранились три таких сборника: два составлены Е. И. Якушкиным и один — М. Н. Лонгиновым при участии С. Д. Полторацкого. Там была не только политическая лирика ("Кинжал", "Noël", "К Чаадаеву", где шла речь об "обломках самовластья", "Во глубине сибирских руд..." и др.), но и такие произведения, за которые можно было поплатиться церковным покаянием или Соловками — "Христос воскрес, моя Ревекка", "Гавриилиада".

⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М., 1934. Т. 1. С. 300.

⁸ Огарев Н. П. Избр. произведения. В. 2 т. М., 1956. Т. 2. С. 480.

Естественно, что такие произведения в "Библиографических записках" нельзя было поместить, но А. Н. Афанасьев и Е. И. Якушкин, мастера конспирации (недаром они были тайными корреспондентами вольной печати!), умели напомнить читателю и о запретном Пушкине. Так, когда на страницах журнала цитировались две строчки: "Храните гордое терпенье, не пропадет ваш скорбный труд", то подписчики журнала, среди которых, вероятно, не было ни одного, кто не знал бы полностью послания в Сибирь, — с ликованием встречали эти слова, пусть как маленькую, но все же победу над цензурой.

Борьба за полного Пушкина (и неразрывно связанное с нею стремление очистить издания сочинений поэта от не принадлежавших ему произведений) началась с первого номера журнала. Подписчики, получившие его, сразу попадали в атмосферу жизни поэта: номер открывался публикацией С. А. Соболевского "Письма А. С. Пушкина к брату Льву Сергеичу", полученные публикатором от вдовы последнего. Публикация сопровождалась примечанием: "Подлинники хранятся у С. А. Соболевского, которому редакция приносит искреннюю благодарность за сообщение этих столько интересных и столько важных для истории литературы материалов". Всего писем 34, и они обнимают собою более полутора десятилетия жизни Александра Сергеевича: первое датировано 1820 г., последнее — 1836-м. Посланы они из разных мест, куда забрасывала его судьба: из Кишинева, Одессы, Михайловского, Петербурга. О блеске и очаровании их говорить излишне. Известно, что А. И. Герцен, получавший "Библиографические записки" с первого номера, с упоением читал эти письма ("День и ночь они передо мною").

Но вместо всеобщего признания и благодарности редакция и публикатор

получили неприятности. Пострадал и цензор — известный своим либерализмом Н. Ф. Фон-Крузе.

Первым поднял шум сын поэта Григорий Александрович, который ровно ничего не сделал для увековечения памяти отца, более того — снес домик Пушкина ("нашу ветхую лачужку") и вместо него поставил другое здание, но тем не менее выступил в роли ревнителя чести фамилии, хотя при самом придирчивом чтении в письмах поэта к брату нельзя усмотреть ничего порочащего семью. Г. А. Пушкин обратился с жалобой к министру народного просвещения — инвалиду Бородинского сражения (библиофилу к тому же) А. С. Норову, который его поддержал и сделал выговор Н. М. Щепкину, под фирмой которого выходили "Библиографические записки" (А. Н. Афанасьеву и М. П. Полуденскому, как служащим Министерства иностранных дел, нельзя было объявлять свои имена в печати). Выговор (не первый и не последний) получил и Н. Ф. Фон-Крузе, в конце концов уволенный за либерализм (его шумно чествовала вся интеллектуальная Москва). Недоволен публикацией был и П. А. Вяземский, что уж вовсе непонятно. На стороне "обиженных" выступил "друг" Пушкина, немало крови ему попортивший, — Ф. В. Булгарин.

Но как бы то ни было, письма увидели свет и дали великолепный материал для биографии поэта. К публикации прилагался превосходно воспроизведенный рисунок Пушкина, что тоже было новостью для читателя. Публикация С. А. Соболевского заняла три номера: первый, второй и четвертый.

А в № 10, 11 и 12 за тот же 1858 г. напечатано интереснейшее исследование Е. И. Якушкина (в котором участвовал и А. Н. Афанасьев) "По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина". Являясь по форме

Естественно, что такие произведения в "Библиографических записках" нельзя было поместить, но А. Н. Афанасьев и Е. И. Якушкин, мастера конспирации (недаром они были тайными корреспондентами вольной печати!), умели напомнить читателю и о запретном Пушкине. Так, когда на страницах журнала цитировались две строчки: "Храните гордое терпенье, не пропадет ваш скорбный труд", то подписчики журнала, среди которых, вероятно, не было ни одного, кто не знал бы полностью послания в Сибирь, — с ликованием встречали эти слова, пусть как маленькую, но все же победу над цензурой.

Борьба за полного Пушкина (и неразрывно связанное с нею стремление очистить издания сочинений поэта от не принадлежавших ему произведений) началась с первого номера журнала. Подписчики, получившие его, сразу попадали в атмосферу жизни поэта: номер открывался публикацией С. А. Соболевского "Письма А. С. Пушкина к брату Льву Сергеичу", полученные публикатором от вдовы последнего. Публикация сопровождалась примечанием: "Подлинники хранятся у С. А. Соболевского, которому редакция приносит искреннюю благодарность за сообщение этих столько интересных и столько важных для истории литературы материалов". Всего писем 34, и они обнимают собою более полутора десятилетия жизни Александра Сергеевича: первое датировано 1820 г., последнее — 1836-м. Посланы они из разных мест, куда забрасывала его судьба: из Кишинева, Одессы, Михайловского, Петербурга. О блеске и очаровании их говорить излишне. Известно, что А. И. Герцен, получавший "Библиографические записки" с первого номера, с упоением читал эти письма ("День и ночь они передо мною").

Но вместо всеобщего признания и благодарности редакция и публикатор

получили неприятности. Пострадал и цензор — известный своим либерализмом Н. Ф. Фон-Крузе.

Первым поднял шум сын поэта Григорий Александрович, который ровно ничего не сделал для увековечения памяти отца, более того — снес домик Пушкина ("нашу ветхую лачужку") и вместо него поставил другое здание, но тем не менее выступил в роли ревнителя чести фамилии, хотя при самом придирчивом чтении в письмах поэта к брату нельзя усмотреть ничего порочащего семью. Г. А. Пушкин обратился с жалобой к министру народного просвещения — инвалиду Бородинского сражения (библиофилу к тому же) А. С. Норову, который его поддержал и сделал выговор Н. М. Щепкину, под фирмой которого выходили "Библиографические записки" (А. Н. Афанасьеву и М. П. Полуденскому, как служащим Министерства иностранных дел, нельзя было объявлять свои имена в печати). Выговор (не первый и не последний) получил и Н. Ф. Фон-Крузе, в конце концов уволенный за либерализм (его шумно чествовала вся интеллектуальная Москва). Недоволен публикацией был и П. А. Вяземский, что уж вовсе непонятно. На стороне "обиженных" выступил "друг" Пушкина, немало крови ему попортивший, — Ф. В. Булгарин.

Но как бы то ни было, письма увидели свет и дали великолепный материал для биографии поэта. К публикации прилагался превосходно воспроизведенный рисунок Пушкина, что тоже было новостью для читателя. Публикация С. А. Соболевского заняла три номера: первый, второй и четвертый.

А в № 10, 11 и 12 за тот же 1858 г. напечатано интереснейшее исследование Е. И. Якушкина (в котором участвовал и А. Н. Афанасьев) "По поводу последнего издания сочинений А. С. Пушкина". Являясь по форме

дать читателям довольно ясное представление о вольнолюбивых произведениях Пушкина"⁹ (об участии А. Н. Афанасьева она почему-то не сообщает).

Гораздо более сильное впечатление производит вторая работа Е. И. Якушкина — "Проза Пушкина. Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта", опубликованная в № 5 и 6 за следующий, 1859 г. Вот уж где проявились талант конспиратора, такт и вкус литературоведа-библиографа и, конечно, владение громадным материалом! В № 5 помещены: разговор с П. И. Пестелем об атеизме (фамилия казненного декабриста весьма прозрачно разъяснена в примечаниях); текст, который начинается словами: "По смерти Петра Первого" (публикация отрывков и изложение содержания этого, в общем, противоцензурного сочинения); заметки Пушкина под названием "Table Talk"; неопубликованные отрывки из "Путешествия в Арзрум" и — что всего интереснее — план романа "Русский Пелам" с расшифровкой фамилий действующих лиц, среди которых — члены тайных обществ: И. Долгоруков, С. Трубецкой, Н. Муравьев и др. Возможно, при этом Е. И. Якушкин пользовался советами возвратившихся из ссылки стариков-декабристов. "Сколько можно судить по именам, выставленным в программе, — пишет публикатор, — "Русский Пелам" имел бы значение не только как роман, но и как богатый материал для истории русского общества".

Декабристская тематика пронизывает эти публикации. Так, здесь мы находим описание встречи Пушкина с арестованным В. К. Кюхельбекером, скрытым под литерой "К", но в примечании указанный как "автор драматической шутки "Шекспировы ду-

хи", — это сцена, полная драматизма.

Еще богаче потаенным Пушкиным следующий, шестой, номер за 1859 г. Значительная его часть посвящена статье Пушкина, озаглавленной П. В. Анненковым "Мысли на дороге" и содержащей полемику поэта с А. Н. Радищевым. При этом Е. И. Якушкин ухитрился процитировать большие куски из запретного "Путешествия из Петербурга в Москву": главы "Черная грязь", "Городня", "Клин", "Тверь", "Медное", "Вышний Волочек". Тут же рассказано, каким образом Пушкин получил от С. А. Соболевского (литера "С" никого не могла ввести в заблуждение) запретное "Путешествие...". Отмечу еще одно обстоятельство. Будучи страстными поклонниками пушкинской музыки, эти люди были чужды культа поэта, возникшего много позднее и пышным цветом распустившегося в наше время. Они не боялись спорить с Пушкиным, когда считали его неправым, и это как раз относится к полемике поэта с А. Н. Радищевым.

Но удивительнее всего — публикация так называемых "Замечаний о бунте", сделанных Пушкиным для Николая I и не подлежавших разглашению. Как, каким образом, от кого мог получить Е. И. Якушкин этот текст? Ведь тут рассказ о жутких казнях, произведенных генералом Фрейманом в Башкирии, о генерале Каре, убитом своими крестьянами, и т. п. Позволю высказать предположение: а не от Миллера ли идет этот текст? Павел Иванович Миллер, открытый Н. Я. Эйделеманом как благожелатель Пушкина, был секретарем и доверенным лицом А. Х. Бенкендорфа. Служа в самом одиозном учреждении империи, он сумел сделать много добра. В частности, был информатором Пушкина, который это очень ценил. П. И. Миллер позднее выступил на страницах "Библиографических записок" с бумагами из канцелярии

⁹ Пушкин: Исслед. и материалы. М., 1950. С. 197.

“Саранча летела, летела...”, которое, как он пишет, было в Одессе в то время известно всем. Все это пригодились позднейшим пушкинистам.

Понятно, что первой задачей библиографов-пушкинистов была публикация неизвестных текстов поэта, а также уже опубликованных вариантов. Дело было невероятно трудное по многим причинам. Прежде всего, конечно, цензурным. Ряд текстов, имевшихся у редакции, имел совершенно противощензурный характер. И. И. Пущин передал Е. И. Якушкину свой заветный портфель додекабрьского периода, хранившийся у П. А. Вяземского, в котором находилась вся вольнолюбивая лирика молодого Пушкина и, кроме того, стихи к И. И. Пущину, послание в Сибирь и т. п.

Как уже говорилось, существовали и два громадных сборника потаенного Пушкина у Е. И. Якушкина и М. Н. Лонгинова — активных авторов “Библиографических записок”. Очень незначительная часть этого богатства увидела свет, но кое-что удалось протащить сквозь цензурные рогатки. Так, Е. И. Якушкин в статье о неизданных записках И. И. Пущина о Пушкине полностью приводит два стихотворения: “Мой первый друг, мой друг бесценный” и “Бог помочь вам, друзья мои” (где сказано о “мрачных пропастьях земли”). Масса уточнений и вариантов содержат уже упоминавшаяся статья Е. И. Якушкина о стихах и прозе Пушкина и четыре весьма содержательных выступления П. А. Ефремова (1861. № 9, 18, 19 и 20), также посвященные поправкам и дополнениям к анненковскому изданию. Французскую песню Пушкина, полученную им от С. Д. Полторацкого, списавшего ее с оригинала, напечатал Г. Н. Геннади в № 22 за 1858 г. Ряд небольших стихотворений опубликован в № 12 и 16 за 1858 г., в № 6 за 1859 г. и в № 10 за 1861 г. В. П. Гаев-

ский поместил три письма поэта к М. Л. Яковлеву, списанные с подлинников (1861. № 10). Большой интерес представляют две записки Пушкина к Н. В. Гоголю, опубликованные П. А. Кулишом (1858. № 3). Все это — ценный материал для полного собрания сочинений А. С. Пушкина.

Но есть один совершенно необъяснимый случай. Знакомая с № 7 за 1858 г., читатель с изумлением находил глубоко личное стихотворение “Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...”, которое не предназначалось для чужих глаз. Полагаю, его не имел и П. В. Анненков, иначе он бы его спокойно опубликовал в седьмом, дополнительном, томе: ведь адресат послания не указан. В рукописных сборниках того времени его, кажется, тоже не было. Откуда же его получила редакция? Единственное, что приходит в голову, — это “подозрительное” соседство стихотворения с напечатанной вслед за ним статьей С. А. Соболевского (зашифрованной криптонимом *Э•С*, уже давно известным). А вдруг?... Не мог ли поэт прочитать ему эти интимные стихи? Впрочем, это только предположение.

В “Библиографических записках” есть и рецензии на пушкиноведческую литературу (крайне немногочисленную в то время) и на издания сочинений поэта. Кроме статей Е. И. Якушкина, А. Н. Афанасьева и П. А. Ефремова, являвшихся по форме рецензиями на издание П. В. Анненкова, встречается отклик на вышедшие к тому времени тома (II—VI) исаковского собрания сочинений А. С. Пушкина под редакцией Г. Н. Геннади. Это то самое издание, над которым так потешалась “передовая” журналистика, и в первую очередь “Современник” (фельетон в “Свистке” — “Г-н Геннади, исправляющий Пушкина”), и на выход которого откликнулся эпиграммой С. А. Соболевский (“О, жертва бедная...”). А

вот как это издание характеризует журнал, редакция и сотрудники которого были настоящими пушкинистами: "Издание г. Исакова прекрасно и не дорого. Жаль только, что большая часть дополнений и исправлений, указанных в "Библиографических записках", по независящим от издателя обстоятельствам не могли войти в Сочинения А. С. Пушкина" (1859. № 20. Стб. 666). Здесь же (Стб. 772) указано, что "вслед за I-м томом Сочинений Пушкина, изд. Исакова, должна выйти книжка библиографических указаний, составленная Г. Н. Геннади". Эта книга действительно вскоре увидела свет и явилась настоящим подарком для библиографов-пушкинистов (о ней — ниже).

Вместе с собиранием полного Пушкина шла борьба с Пушкиным мнимым. Ведь перу великого поэта приписывалась не только вся политическая лирика его времени, но и бездарные вирши верноподданного и религиозного содержания (вот как давно возникла эта тенденция!). Красноречивый пример: "В 8-м № "Русского инвалида", — сообщает редакция "Библиографических записок", — в маленькой статейке под заманчивым названием "Библиографическая редкость" напечатано стихотворение, которое будто бы написал Пушкин, "переселясь верою видением в область незаходимого света", и в котором он "передает друзьям свои чувства, возвышенные над земными". Приписывать подобные плохие вирши имени великого нашего поэта может только ослепленное невежество" (1859. № 2. Стб. 64).

В журнале опубликовано еще около десятка разоблачений мнимого Пушкина. Например, Л. Н. Майков, можно сказать, поймал за руку П. В. Анненкова (1858. № 7), приписавшего Пушкину стихотворение В. А. Жуковского (причем довольно слабое). Вспомним, что такая же исто-

рия произошла полвека спустя с М. О. Гершензоном, который приписал стихи В. А. Жуковского (правда, хорошие) Пушкину. К сожалению, это стало своего рода традицией. Недаром Ю. Н. Тынянов еще в 20-е гг. писал о "слишком полном" собрании сочинений Пушкина. В ошибки впадали столь видные пушкинисты, что, право, и ныне нет уверенности в том, что некоторые тексты не приписаны Пушкину ошибочно.

"Мнимый Пушкин, — писал Ю. Н. Тынянов, — начался вскоре после смерти действительного, чему, конечно, способствовала дымка таинственности над его рукописями и их долгая недоступность"¹⁰. Без сомнения, это так. Однако справедливости ради надо вспомнить, что еще сам Пушкин жаловался на то, что "все возмутительные рукописи" ходили под его именем¹¹. "Библиографические записки" были первым периодическим изданием, в таком объеме и с такой страстностью боровшимся с мнимым Пушкиным. Правда, и у них случались проколы. Так, журнал поместил (анонимно) несколько мелких стихотворений, принадлежность которых Пушкину затем была оспорена. Более того! В упоминавшихся великолепных рукописных сборниках Е. И. Якушкина и М. Н. Лонгинова —

С. Д. Полторацкого было довольно много мнимого Пушкина. Записывали все, что ходило под именем поэта. М. Н. Лонгинов даже возвел это в принцип, считая, что лучше напечатать лишнее, чем пропустить что-то безусловно пушкинское. Кроме того, политические эпиграммы, приписываемые Пушкину, давали богатую картину общественных настроений его времени (не говоря уже о том, что

¹⁰ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 80.

¹¹ Об этом см.: Дубровский А. В. Прижизненная псевдопушкиниана // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 27. СПб., 1996.

они проливали свет и на репутацию поэта). До сих пор идет борьба с искаженным Пушкиным. В 1998 г. журнал "Звезда" (№ 2) опубликовал статью А. С. Салямона, в которой оспорена атрибуция эпиграммы "На Александра I" и послания "Ты и я". Это — теперь, после того, как написаны горы книг и статей, когда каждая строчка великого поэта прошла через руки видных пушкинистов второй половины XIX — первой половины XX в.! И если в "Библиографических записках" встречаются неверные атрибуции (крайне редкие), надо удивляться не тому, что они есть, а тому, что их так мало. Ни Е. И. Якушкин, ни М. Н. Лонгинов сомнительных текстов не публиковали, а вот редакторы позднейших собраний сочинений Пушкина (в том числе и академических) не всегда были так осторожны.

Заслуги "Библиографических записок" перед отечественным пушкиноведением очень велики. Это признают и современные исследователи, в целом отнюдь не склонные, с легкой руки историков библиографии, хвалить "библиографизм" середины прошлого столетия.

"Библиографические записки" явились и первым органом пушкинской библиографии. На его страницах увидели свет два указателя Г. Н. Геннади. Первый — "Что писано о Пушкине" (1858. № 16; дополнения Д. Ф. Кобеко в № 19) — еще очень небольшой указатель, в нем всего 9 названий на иностранных языках и 39 на русском (фактически гораздо больше, так как указаны отклики на анненковское издание Пушкина, не имеющие особой нумерации, а среди них мы находим серьезные работы А. В. Дружинина, Е. И. Якушкина, В. П. Гаевского и др.). В примечании сказано: "Сюда не входит указание критик и рецензий, писанных по поводу сочинений и различных изданий нашего поэта" (Стб. 508). Поэтому здесь нет ни изве-

стных статей В. Г. Белинского, ни замечательных пушкинских работ Аполлона Григорьева (сказавшего "Пушкин — это наше все"), зато нет и откликов хулителей Пушкина — от Ф. В. Булгарина до Н. А. Добролюбова. Названы преимущественно материалы для биографии поэта: таково, по всей видимости, было задание. Этим списком, по мнению У. Г. Иваска, "было положено начало серьезному историческому изучению поэта путем собирания библиографических сведений о нем"¹². Известный пушкинист начала XX в. В. В. Каллаш справедливо заметил, что этот первый свод пушкиноведческой литературы «всецело определялся тем небольшим запасом книг, который мог дать незадолго пред тем возникшие стремления подбирать "Пушкиниану"»¹³.

Гораздо интереснее второй указатель Г. Н. Геннади — "Переводы сочинений Пушкина" (1859. № 2, 3, 4). Здесь указано 78 переводов на немецкий, французский, шведский, голландский, польский, итальянский, чешский и украинский языки. По мнению Я. Л. Левкович, список "отличался тщательностью и исследовательской глубиной. Геннади дает не только подробное описание изданий, но также подробные сведения и характеристику переводов, их образчики, сведения относительно помощи переводчикам со стороны русских и т. п."¹⁴. Действительно, эта работа поражает обширной эрудицией, знанием множества иностранных языков, в том числе и итальянского, которым тогда в России мало кто владел. Г. Н. Геннади берет на себя смелость и оценивать эти работы: "плохие переводы" или, наоборот, "близость к подлиннику" и т. п. Чтобы его не обвиняли в голословных утверждениях, он

¹² Иваск У. Г. Григорий Николаевич Геннади. Обзор жизни и трудов. М., 1913. С. 31.

¹³ Каллаш В. В. "Pushkiniana". Киев, 1902. Ч. 1. С. 5.

¹⁴ Пушкин: Итоги... С. 634.

приводит сравнения пушкинских текстов с иностранными переводами. Это — подлинный пример библиографии раннего пушкиноведения, когда, не владея еще большим материалом, библиографы демонстрировали подлинно исследовательское к нему отношение. В примечании к публикации Г. Н. Геннади отмечает, что часть сведений была получена им от С. Д. Полторацкого (который собирал их еще с 40-х гг.), и указывает также, что, возможно, в бумагах С. Д. Полторацкого еще найдутся нужные материалы. Но сам С. Д. Полторацкий, боясь ошибок, ничего не публиковал, так что можно только поблагодарить Г. Н. Геннади за то, что он предал гласности сведения, копившиеся в “картонах” Сергея Дмитриевича (“Да что ты гарпагонствуешь?” — писал ему П. А. Вяземский).

Оба указателя в дополненном и исправленном виде были помещены в специальном томе, приложенном Г. Н. Геннади к изданию А. Я. Исакова — “Приложения к сочинениям А. С. Пушкина, изданным А. Я. Исаковым: Библиографический список всех произведений Пушкина, дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в текст, и примечания. Составил Григорий Геннади” (СПб., 1860). Этот том получил высокую оценку даже у тех современников, которым не понравилось само исаковское издание. Г. Н. Геннади писал С. Д. Полторацкому: “Пожалуйста, когда выйдет в Москве 1-й том и моя книжечка к нему, которая будет продаваться особо, — то объясните несведущей братье, что эта книжечка нужна, что без нее у них (т. е. у покупающих новое издание) Пушкин будет не полный. Не для барышей желаю, чтобы ее покупали (не я ее издаю), а потому что без некот[орых] объяснений, в ней заключающихся, могут меня во многом обвинить, в чем я неповинен, напр[имер] в перемене заглавий, перестановках и т. п. Кроме того, в книжечке будет много дополне-

ний к тексту, между прочим к Онегину и к прозе”¹⁵.

Теперь остается проследить, как складывалась пушкиноведческая деятельность наших героев в дальнейшем.

Г. Н. Геннади выступал дважды как редактор собраний сочинений Пушкина: в 1859 и 1869—1871 гг. Любопытно отметить, что если первое из этих изданий подвергалось критике и насмешкам всеми, кому не лень, за пушкиноведческие “излишества”, то уже через 10 лет ему пришлось печатно доказывать, что пропуски в новом издании вызваны не нерадивостью, а цензурными репрессиями (Вестн. Европы. 1871. Т. 3. С. 918). Громадная пушкинская библиография собрана в его “Справочном словаре о русских писателях и ученых” (Т. 3. М., 1906), изданном после его смерти. Здесь уже более 300 названий (библиография составлена в конце 70-х гг.; русская пушкинистика сделала за это время большие успехи). Запретный Пушкин (зарубежные издания) и литература о нем (включая вольную печать) представлены здесь с большой полнотой. Жаль, что преждевременная и внезапная смерть в 1880 г. помешала Г. Н. Геннади издать этот том. В начале XX в. он имел уже только историческое значение. Но как бы то ни было, Г. Н. Геннади остался верен пушкиноведческой тематике до конца жизни.

Еще более плодотворной была деятельность П. А. Ефремова. Он редактировал третье исаковское издание сочинений поэта и затем почти все издания, выходившие в его время. Кроме того, под его руководством и с его комментариями вышло несколько изданий отдельных произведений поэта. Итогом пушкиноведческих штудий стало исследование “Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях” (СПб., 1903), на которое и поныне

¹⁵ Письмо факсимильно воспроизведено на обложке моей книги “Г. Н. Геннади” (М., 1981). Подлинник — в РО РГБ. Ф. С. Д. Полторацкого.

ссылаются пушкинисты. Это было прямым продолжением его статей в "Библиографических записках" (П. А. Ефремов умер в 1907 г.).

М. Н. Лонгинов всю жизнь занимался Пушкиным. Составленный им сборник потаенного Пушкина использовался уже в послереволюционное время при издании полного собрания сочинений поэта. Ему принадлежит такое множество заметок в периодической печати (включая две статьи о Ганнибалах), что перечислить их в пределах статьи не представляется возможным. Эту его деятельность прервала только смерть в 1875 г.

Заслуга В. П. Гаевского, кроме множества небольших, но важных публикаций, — в организации двух всероссийских пушкинских выставок, много сделавших для популяризации сочинений великого поэта.

Пожалуй, наиболее продолжительной является пушкиниана семейства Якушкиных. Сам Евгений Иванович, вынужденный покинуть родную Москву и навсегда уехать в Ярославль, не мог активно выступать на пушкиноведческом поприще, но передал материалы и идеи (что особенно важно) — сыну Вячеславу Евгеньевичу, ставшему одним из выдающихся отечественных пушкинистов. Когда во время пушкинских торжеств 1880 г., связанных с открытием памятника поэту в Москве, потомки Пушкина принесли в дар Румянцевскому музею его рукописи, хранившиеся до того в семье, именно В. Е. Якушкину было поручено почетное и ответственное дело их научного описания.

Громадный интерес для пушкинистов и историков русской культуры в целом (в том числе, конечно, и для библиографоведов) представляют неопубликованные письма В. Е. Якушкина к отцу. Приведу лишь небольшой фрагмент: "Продолжаю посещать музей (Румянцевский. — Л. Р.). Работа над пушкинскими бумагами идет медленно. Просто диву даешься на издателей: например, Анненков печата-

ет подготовительный очерк к "Египетским ночам", причем начало берет из одного очерка, конец из другого; Бартенев, вместо того, чтобы поправить Анненкова, печатает начало другого очерка, соединив его с концом первого. Надо прибавить, что очерки писаны на бумаге разного формата и смешать их невозможно. Хороши и посмертные издатели — переставить слова Пушкина им ничего не значит. Хорош и Е. Барсов ... Все хороши!" (ГА РФ. Ф. 279. Оп. 1. Ед. хр. 757. Л. 98—99). Письмо не датировано, но по ряду упоминаемых в нем реалий его можно отнести к началу 1880-х гг.

Во время празднования столетия со дня рождения поэта (1899) В. Е. Якушкин произнес в Обществе любителей российской словесности такую речь об общественных взглядах Пушкина, что был немедленно выслан из Москвы в Ярославль под надзор полиции. Впоследствии, будучи одним из редакторов и активных авторов либеральных "Московских ведомостей", он поместил на их страницах более полусотни статей и заметок, так или иначе связанных с Пушкиным. Он же был автором книги "Пушкин и Радищев". Точно так же, как его отец был единомышленником декабриста, В. Е. Якушкин унаследовал освободительные идеи отца-герценовца и стал одним из основателей и членом ЦК конституционно-демократической партии

Евгений Иванович в свое время писал другу семьи П. А. Ефремову, жаловавшемуся на служебные неприятности: "Я сам вынес много подобных невзгод, сотни доносов и тысячи сплетен самого скверного свойства. Было время, когда мое служебное положение было более нежели шатко, а у меня была семья ... С какою веселостью Пушкин пишет письма из деревенской ссылки, для него действительно тяжелой. Вот у кого надо учиться!"¹⁶.

¹⁶ Цит. по: Равич Л. М. Евгений Иванович Якушкин (1826—1905). М., 1989. С. 101. Подлинник — в РО ИРЛИ. Ф. П. А. Ефремова.

дать читателям довольно ясное представление о вольнолюбивых произведениях Пушкина"⁹ (об участии А. Н. Афанасьева она почему-то не сообщает).

Гораздо более сильное впечатление производит вторая работа Е. И. Якушкина — "Проза Пушкина. Библиографические замечания по поводу последнего издания сочинений поэта", опубликованная в № 5 и 6 за следующий, 1859 г. Вот уж где проявились талант конспиратора, такт и вкус литературоведа-библиографа и, конечно, владение громадным материалом! В № 5 помещены: разговор с П. И. Пестелем об атеизме (фамилия казенного декабриста весьма прозрачно разъяснена в примечаниях); текст, который начинается словами: "По смерти Петра Первого" (публикация отрывков и изложение содержания этого, в общем, противощензурного сочинения); заметки Пушкина под названием "Table Talk"; неопубликованные отрывки из "Путешествия в Арзрум" и — что всего интереснее — план романа "Русский Пелам" с расшифровкой фамилий действующих лиц, среди которых — члены тайных обществ: И. Долгоруков, С. Трубецкой, Н. Муравьев и др. Возможно, при этом Е. И. Якушкин пользовался советами возвратившихся из ссылки стариков-декабристов. "Сколько можно судить по именам, выставленным в программе, — пишет публикатор, — "Русский Пелам" имел бы значение не только как роман, но и как богатый материал для истории русского общества".

Декабристская тематика пронизывает эти публикации. Так, здесь мы находим описание встречи Пушкина с арестованным В. К. Кюхельбекером, скрытым под литерой "К", но в примечании указанный как "автор драматической шутки "Шекспировы ду-

хи", — это сцена, полная драматизма.

Еще богаче потаенным Пушкиным следующий, шестой, номер за 1859 г. Значительная его часть посвящена статье Пушкина, озаглавленной П. В. Анненковым "Мысли на дороге" и содержащей полемику поэта с А. Н. Радищевым. При этом Е. И. Якушкин ухитрился процитировать большие куски из запретного "Путешествия из Петербурга в Москву": главы "Черная грязь", "Городня", "Клин", "Тверь", "Медное", "Вышний Волочек". Тут же рассказано, каким образом Пушкин получил от С. А. Соболевского (литера "С" никого не могла ввести в заблуждение) запретное "Путешествие...". Отмечу еще одно обстоятельство. Будучи страстными поклонниками пушкинской музыки, эти люди были чужды культа поэта, возникшего много позднее и пышным цветом распустившегося в наше время. Они не боялись спорить с Пушкиным, когда считали его неправым, и это как раз относится к полемике поэта с А. Н. Радищевым.

Но удивительнее всего — публикация так называемых "Замечаний о бунте", сделанных Пушкиным для Николая I и не подлежавших разглашению. Как, каким образом, от кого мог получить Е. И. Якушкин этот текст? Ведь тут рассказ о жутких казнях, произведенных генералом Фрейманом в Башкирии, о генерале Каре, убитом своими крестьянами, и т. п. Позволю высказать предположение: а не от Миллера ли идет этот текст? Павел Иванович Миллер, открытый Н. Я. Эйдедьманом как благожелатель Пушкина, был секретарем и доверенным лицом А. Х. Бенкендорфа. Служа в самом одиозном учреждении империи, он сумел сделать много добра. В частности, был информатором Пушкина, который это очень ценил. П. И. Миллер позднее выступил на страницах "Библиографических записок" с бумагами из канцелярии

⁹ Пушкин: Исслед. и материалы. М., 1950. С. 197.

рецензией на анненковское издание, в особенности на седьмой, дополнительный, том, эта работа насыщена пушкинскими текстами, о которых у П. В. Анненкова не было и речи.

Воздав должное издателю, Е. И. Якушкин замечает: «Один из самых важных и ощутительных недостатков издания г. Анненкова есть неполнота текста. В недостатке этом, конечно, нельзя совершенно винить издателя. Многие из стихотворений и прозаических статей Пушкина не могут еще в настоящее время быть напечатаны вполне; текст же других может быть совершенно восстановлен только общими усилиями библиографов, а не трудом отдельного лица... При составлении нашей статьи, — пишет он далее, — мы пользовались несколькими рукописными сборниками сочинений Пушкина, принадлежащими разным лицам... Известно, что большая часть стихотворных произведений Пушкина расхищалась в бесчисленных списках по всей читающей Руси еще до появления их в печати... Издатель Пушкина непременно должен воспользоваться рукописными сборниками, но здесь необходима строгая и осторожная эстетическая разборчивость» (№ 10. Стб. 307—308).

Далее следует анализ издания по томам, в соответствии с нумерацией П. В. Анненкова. Даются многочисленные варианты и исправления к стихотворениям лицейского периода (напомню, что консультантом Е. И. Якушкина был И. И. Пущин!) «К сестре», «К другу стихотворцу», «К Батюшкову», «К Галичу», «Казак» (в первоначальной редакции, по рукописи И.И. Пушина), «Городок», «Лицинию», «К Жуковскому», «К Дельвигу», «К Каверину» и др. Иногда это несколько строк, иногда — целое стихотворение. Среди более поздних — запретная строфа из стихотворения «К морю»:

Мир опустел. Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где капля блага, там на страже
Уж просвещение иль ...

Слово «тиран» было заменено точками, однако догадливый читатель («гениальный русский читатель», как его назвал В. В. Набоков) без труда его восстанавливал. Далее приводятся вымаранные в свое время строфы из «Андрея Шенье» (причем читателю дают знать, что выпущено еще «сорок три превосходные стиха»), потом строки из весьма острой «Моей родословной» (опущено цензуры ради определение «царских» слова «сапогов»), стихотворений «Третий Петр», «Орлову». У П. В. Анненкова не было и этого. Публикуются и запрещенные строки из «Евгения Онегина» — те, где «народ, зевая, слушает молебн» и др.

Особенно богат № 12 за 1858 г. Здесь полностью опубликовано «На выздоровление Лукулла», эпиграмма на Ф. В. Булгарина («Не то беда, что ты поляк...»), да еще с невинным видом указано, что в послании к А. А. Дельвигу пропущено слово «свобода». Приходится только удивляться умению обоих друзей протасовать сквозь цензурные рога то, что не удалось влиятельному П. В. Анненкову. А сколько превосходных текстов было в распоряжении редакции — таких, которые представлять в цензуру не было смысла! Например, А. Н. Афанасьев писал Г. Н. Геннади, что у них есть полный список «К Чаадаеву», но печатать нельзя, а в собраниях сочинений от этого вольнолюбивого стихотворения не осталось ничего.

Пушкинисты дают публикациям в «Библиографических записках» весьма высокую оценку. Т. Г. Цявловская писала: «Широко пользуясь эзоповской манерой, умолчаниями или зашифровкой, Якушкин не побоялся

«ПОРА ПЕРЕСТАТЬ ДЕЛАТЬ ИЗО ВСЕГО НЕПРОНИЦАЕМУЮ ТАЙНУ»

А. Х. Бенкендорфа (об этом — ниже), притом не с копиями, а с подлинниками. Это значит, что он таскал из-под носа у шефа важные бумаги. Пушкинские тексты, читавшиеся императором, поступали от него в III отделение для передачи автору. Вероятно, и “Замечания о бунте” шли тем же путем. К слову, это П. И. Миллер предупредил В. И. Касаткина о готовящемся аресте, и тот успел удрать в Лондон. Это произошло в 1862 г., П. И. Миллер был уже пожилым человеком, но остался таким же смельчаком, каким был в молодые годы, когда представился Пушкину как “внук его по Лицею”.

В № 8 за 1859 г. опубликована статья Е. И. Якушкина “Неизданные записки о Пушкине”. Это был фактически некролог только что скончавшегося декабриста И. И. Пущина и похвала его деятельности. Заодно сообщалось о публикации в “Атенее”, журнале, близком к “Библиографическим запискам”, воспоминаний И. И. Пущина о Пушкине. Воспоминания были написаны по настоянию Е. И. Якушкина и ему посвящены (“Как быть! Надобно приняться за старину. От вас, любезный друг, молчком не отделаешься!” — так начинался этот ныне всем известный текст). Весьма возможно, мемуары старого декабриста предназначались для “Библиографических записок”, но журнал так свирепо преследовался цензурой, что пришлось отдать их в более благополучный, “профессорский” “Атеней”. Но и тут они были опубликованы с купюрами. Полный текст был переправлен А. И. Герцену и напечатан им. Об этом “Библиографические записки” дали знать своим читателям. В № 16 за тот же год читаем в разделе “Книжные вести”: “В нынешнем году особенно посчастливилось истории русской литературы: по ее предмету в различных журналах появились в печати весьма важные и лю-

бопытные материалы, которые считаем нелишним указать здесь: а) В “Библиотеке для чтения” (№ 1) воспоминания о Пушкине г-жи Керн; б) в “Атенее” (№ 8) Записки И. И. Пущина о дружеских связях его с Пушкиным, напечатанные, впрочем, с пропусками” (мол, читайте вскоре у А. И. Герцена).

А теперь снова вернемся к П. И. Миллеру. В № 9 за 1861 г., когда редактором журнала стал В. И. Касаткин, были опубликованы потрясающие документы: “Письма А. С. Пушкина к гр. Бенкендорфу и В. А. Жуковскому”, в которых изложена драматическая история попытки поэта вырваться на волю и выйти в отставку. Известно, что она могла быть дана ему ценою запрещения работать в архивах... Поэт предпочел остаться — и нашел свою гибель. Письма, как указано в примечаниях, публикуются с подлинников. Подпись под публикацией — “Сообщ. П. И. М-ромъ” — не оставляет ни малейших сомнений в авторстве. Понятно, что такими документами не владели даже самые усердные собиратели пушкинских текстов. Надо было, чтобы нашелся такой вот Миллер, да и тот ждал своего часа четверть века...

Кроме названных материалов, важнейших для полноценного жизнеописания поэта, в журнале помещено несколько мелких заметок биографического характера, также не лишенных интереса. Прежде всего это заметки М. Н. Лонгинова “Анекдот о Пушкине” (об истории написания куплетов “Те—те—те”) в № 16 за 1858 г.; “Пушкин в Одессе” (по рассказам дяди автора, знакомого Пушкина по Одессе) в № 18 за 1859 г.; запись рассказа доктора Спасского о последних днях жизни поэта (Там же). “Заметка о Пушкине” К. Зеленецкого (1858. № 5) излагает историю посылки “коллежского секретаря Пушкина” на саранчу и приводится стихотворение

“ГОРА ПЕРЕСТАТЬ ДЕЛАТЬ ИЗО ВСЕГО НЕПРОНИЦАЕМУЮ ТАЙНУ”

Пушкиниана

1. А.С.Пушкину — 200 лет: Кат. выставки миниатюр. книг / Сост. В.Н.Русанов, Ю.В.Соколов, И.В.Пирогова. — Оса: Ростани-на-Каме, 1998. — 63 с. — 150 экз. — Формат 70х74 мм.

2. «В краю чужом...»: Зарубеж. Россия и Пушкин. Ст., очерки, речи / Сост., вступ. ст., коммент. М.Д.Филина. — Рыбинск: Рус. миръ, Рыбин. подворье, 1998. — 495 с.: ил. — 5000 экз.

3. «Евгений Онегин»: Даль свободного романа: Кат. выставки / Гос. музей изобразит. искусств им. А.С.Пушкина; Авт.-сост. Н.И.Михайлова. — М.: Альфа-Принт, 1998. — 14 с.: ил. — 5000 экз.

4. Красухин Г.Г. Четыре пушкинских шедевра: В помощь преподавателям и абитуриентам. — 2-е изд. — М.: Изд-во МГУ, 1998. — 127 с. — (Перечитывая классику). — 5000 экз.

5. Исхаков Х. Пушкин и религия. — М.: Изд-во журн. «Моск-ва», 1998. — 254 с. — 3000 экз.

6. Савельзон В. Пушкин и Оренбуржье: Над страницами «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева». — Оренбург: Кн. изд-во, 1998. — 352 с.: ил. — 5000 экз.

7. Сазонов А.В. Пушкиниана в книжных знаках. — М., 1998. — 152 с.: ил. — 100 экз. —

Формат 68х95 мм.

8. Сазонов А.В. Пушкиниана в экслибрисах. — М., 1998. — 132 с.: ил. — 100 экз. — Формат 50х68 мм.

9. Сазонов А.В. Пушкиниана в экслибрисах. Кн. 9-16. — М., 1998. — 100 экз. — Формат 50х68 мм.

10. Соколов В. Рядом с Пушкиным: Портреты кистью и пером. В 2 ч. — М.: Тверская, 13, 1998. — 10 000 экз.

11. Творческие и биографические пометы в рукописях А.С.Пушкина / А.В.Дубровский и др. — СПб.: Нотабене, 1997. — 69 с. — (Неизданный Пушкин; Вып. 2).

КУРЬЕР

■ Российская государственная библиотека проводит серию «круглых столов», посвященных разработке библиотечной доктрины России.

В очередной дискуссии, состоявшейся в РГБ 17 декабря 1998 г., участвовали культурологи, философы, информатики, библиотековеды и библиографоведы — М. И. Акилина, Л. Н. Тихонова, Б. А. Семеновкер, Л. М. Толчинская, В. Б. Чурбанов, Е. И. Яцунок (РГБ), М. Д. Афанасьев (ГПИБ РФ), К. К. Колин (Ин-т проблем информатики РАН), Г.Л.Смолян (Ин-т системного анализа РАН), В. В. Скворцов (МГУК, Л. В. Скворцов (ИНИОН), Г. В. Белов (Ин-т информатизации о-ва и развития науки), В. А. Фокеев (журн. «Библиография») и др.

Тема «круглого стола» — «Библиотека в глобальной информационной среде. Проблема национальной безопасности». По общему мнению присутствовавших на заседании, четкая библиотечная доктрина — ключевой вопрос для судеб РГБ и библиотечного дела России. На первом этапе ее разработки важно определить жанр будущего документа, его предмет и основные аспекты содержания, важнейшими из которых являются обеспечение безопасности российских информационно-библиотечных ресурсов, их сохранность и общедоступность, противодействие «информационной экспансии» разного рода, ориентация в информационном потоке, предоставление населению «полезного знания» из библиотечных

фондов и электронных сетей, сохранение исторической памяти, национальной книжной культуры.

Обсуждались гуманитарные, информационно-библиотечные составляющие национальной безопасности; фонды библиотек рассматривались как компонент информационной независимости. В библиотечной доктрине необходимо определить миссию библиотек как культурно-информационных центров в обеспечении национально-государственных интересов России. Преодоление технологического отставания библиотек (в том числе формирование библиотек виртуального типа) выступает в качестве важнейшего фактора национальной безопасности России.